

П. Орлов

Русская революция

1905-1906 г.

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П. Орлов**
Русская революция: 1905-1906 г. / П. Орлов – М.: Книга по Требованию, 2021. –
94 с.

ISBN 978-5-518-03117-3

ISBN 978-5-518-03117-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

она окончательно подорвала государственный кредит и привела страну къ банкротству.

Несчастливая война съ Японіей поглотила громадныя деньги. Въ 1904 г. на войну израсходовано около 677 милліоновъ рублей, въ 1905 г.—1 милліардъ и въ 1906 г. ассигновано на оплату расходовъ, связанныхъ съ войной, 405 милліоновъ руб., — итого за три года 2,082 милліона рублей. А погубленный флотъ, потерянные Портъ-Артуръ и Дальній съ ихъ крѣпостными сооруженіями, манчжурская желѣзная дорога, поль-Сахалина, артиллерія и вооруженіе полевыхъ войскъ? — Эти потери стоятъ не менѣе 1 милліарда. Но къ тремъ милліардамъ государственныхъ потерь на японской войнѣ надо прибавить павшія главной своей тяжестью на крестьянъ и рабочій классъ неисчислимыя потери сотенъ тысячъ семействъ, лишившихся на время а, большей частью, навсегда своихъ работниковъ и кормильцевъ. А кто оценитъ жизнь тѣхъ сотенъ тысячъ русскихъ людей, которыхъ правительство похоронило на поляхъ Манчуріи и въ волнахъ Великаго океана? Объ этихъ потеряхъ министръ финансовъ, подсчитывающій въ своемъ докладѣ расходы по японской войнѣ, умалчиваетъ.

Война снова съ очевидностью показала неспособность русской бюрократіи къ исполненію функций, на нее возложенныхъ. Продажность и казнокрадство пустили такіе глубокіе корни въ русскомъ чиновничествѣ, что о правильномъ веденіи государственнаго хозяйства не можетъ быть и рѣчи. Это повело Россію къ цѣлому ряду позорныхъ пораженій и за войной остается та заслуга, что она окончательно разоблачила всю негодность нашего политическаго строя. Желѣзныя дороги, поглотившія колоссальныя суммы, оказались плохо построенными, крѣпости и

броненосцы — негодными, запасы — раскраденными. Портъ-Артуръ, Цушима, Мукденъ и цѣлый рядъ другихъ не менѣе позорныхъ поражений произнесли смертный приговоръ русскому самодержавію. Война такимъ образомъ приблизила развязку и является началомъ конца. Она увеличила недовольство страны и вызвала революцію съ ея энтузіазмомъ и ужасами, революцію, которая въ концѣ концовъ должно кончиться поражениемъ самодержавія.

Студенческія волненія, аграрные беспорядки, стачки политическаго характера, кровавыя демонстраціи, террористическіе акты, политическія убійства давно извѣстны въ Россіи. Они за послѣдніе годы все учащались и грозно предвѣщали приближеніе революціи. Но правительство оставалось глухимъ и слѣпымъ къ этимъ знаменіямъ времени, оно знало противъ народнаго недовольства только одно лѣкарство — тюрьмы и пули. Оно сѣяло бурю и пожинаетъ теперь громъ революціонной борьбы.

На путь открытой революціи Россія вступила 9. января 1905 года, когда 200,000 рабочихъ Петербурга, подъ руководствомъ священника Гапона, направились къ зимнему дворцу, для того чтобы просить помощи и защиты у царя. Въ намѣреніи рабочихъ массъ не было ничего революціоннаго, скорѣе наоборотъ, оно вытекало изъ наивной вѣры народа въ своего царя. Революціонный характеръ этому шествію придало само правительство, разстрѣливая мирную толпу рабочихъ и убивая невинныхъ дѣтей и женщинъ. Это преступленіе наконецъ переполнило чашу долготерпѣнія русскаго народа и съ 9. января 1905 года начинается русская революція. Мы начнемъ съ разсмотрѣнія этого знаменательнаго дня.

Глава вторая.

9. января.

Искрой, которая зажгла пожаръ, было одно изъ самыхъ обычныхъ столкновений труда съ капиталомъ, — стачка на одномъ заводѣ. Интересно однако, что эта стачка 12,000 путиловскихъ рабочихъ, вспыхнувшая въ понедѣльникъ, 3. января, была больше всего стачкой во имя пролетарской солидарности. Поводомъ послужило увольнение четырехъ рабочихъ. Когда требованіе о возвращеніи ихъ не было удовлетворено, заводъ сталъ сразу, очень дружно. Стачка носила вполне выдержанный характеръ. Рабочіе отрядили нѣсколько человекъ охранять машины и прочее имущество отъ какой-нибудь возможной порчи со стороны менѣ сознательныхъ. Затѣмъ ими была отряжена депутация на другіе заводы съ сообщеніемъ своихъ требованій и приглашеніемъ примкнуть къ стачкѣ. Тысячи и десятки тысячъ рабочихъ стали примыкать къ движенію.

Организацію стачки, какъ извѣстно, взяло на себя „Общество русскихъ рабочихъ“, созданное людьми, близко стоящими полиціи, подъ руководствомъ охраннаго отдѣленія. По совѣту извѣстнаго сыщика, Зубатова, такія организаціи создавались въ различныхъ мѣстахъ съ цѣлью

отвлечь рабочихъ отъ политической борьбы и придавать рабочему движенію исключительно экономической характеръ. Самой видной организаціей этого рода было „Общество русскихъ рабочихъ“ въ Петербургѣ, имѣющее тамъ одиннадцать отдѣловъ и распространенное по всему городу.

На собраніи нарвскаго отдѣла этого общества 2. января была рѣшена стачка. Во главѣ ея сталъ священникъ Гапонъ, уже 8 мѣсяцевъ бывший предсѣдателемъ общества и пользовавшийся большой популярностью среди рабочихъ.

Въ первый день стачки рабочіе собирались въ своемъ клубѣ, мирно ходили толпой по улицамъ района, выслушивали ораторовъ и сами обсуждали свои дѣла. Стачка быстро распространилась и во вторникъ забастовалъ уже весь Невскій районъ. На рабочихъ собраніяхъ помимо мѣстныхъ требованій, носящихъ чисто экономической характеръ, все чаще обсуждаются общія требованія и чисто политическіе вопросы. Гапонъ ни единымъ словомъ не протестуетъ, наоборотъ, поддерживаетъ эти требованія и во главѣ депутаціи предъявляетъ ихъ администраціи завода. Когда же онѣ отвергаются, то Гапонъ возвращается въ собраніе и ведетъ сильную агитацію за всѣ экономическія требованія, призывая рабочихъ къ единодушію и выдержкѣ, обѣщая имъ, что и другіе районы забастуютъ, такъ какъ требованія эти общи всѣмъ рабочимъ.

Со вторника Гапонъ переноситъ свою агитацію на другіе районы, начинается броженіе и въ другихъ фабричныхъ центрахъ. Во вторникъ же, въ Невскомъ районѣ, гдѣ имѣется 45,000 рабочихъ, происходитъ большое собраніе рабочихъ въ клубѣ „Общества“. Въ этотъ же день забастовало два завода.

Въ четвергъ, 6. января праздникъ и народу особенно много. Собираются со всѣхъ заводовъ. Петровъ и другіе

агитаторы, а также двое-трое рабочихъ ораторовъ убѣждаютъ рабочихъ держаться крѣпко и на завтра принудить еще не забастовавшіе заводы бросить работу. Возбужденіе массы растетъ, она требуетъ все новыхъ и новыхъ рѣчей, брошюръ, листовъ. Нужно отмѣтить, что масса рабочихъ, въ высшей степени сѣрая, неблагоприятно реагировала на рѣзко выраженный политическія требованія. Лозунгъ „долой войну“, по неосторожности высказанный кѣмъ-нибудь слишкомъ преждевременно, безъ надлежащихъ „подходовъ“, вызывалъ возраженія: „война нужна, япешекъ вздуть“ — находившія поддержку. На помощь тогда выходилъ другой ораторъ, который путемъ вопросовъ выяснялъ вредъ войны: „Много ли у насъ своей земли, товарищи?“ „Много“ — реветъ толпа. „Нужна ли намъ Манджурія?“ Нѣтъ, нѣтъ — реветъ толпа. „Кто платитъ за войну, на чьи деньги ведется она?“ „Мы-ы-ы!“ — раздается единогласный крикъ. — „Мрутъ ли наши братья, остаются ли ваши жены, дѣти безъ куска хлѣба? Такъ ли?“ „Т-а-а-акъ“. И въ такомъ родѣ, пока на вопросъ: „Такъ нужна ли намъ война?“ толпа не отвѣтитъ: „нѣтъ, не нужна“ и затѣмъ уже сама кричитъ „долой войну“.

Еще труднѣе приходилось съ „долой самодержавіе“. Но и тутъ, понятно, каждому изъ агитаторовъ удавалось обрисовать такую мрачную картину нищеты и безправія и поставить ее въ связь съ существующимъ режимомъ, что толпа сама кричала „долой самодержавіе“. Но это было не всегда. Раздавались возраженія. Способствовали этому члены „общества“ и ихъ предводитель Петровъ, увѣрившіе, что все зло происходитъ отъ слугъ царя, онъ же самъ ничего не знаетъ, не вѣдаетъ. Петровъ откровенно сознавался, что онъ дѣлаетъ это только по-

тому, что масса еще твердо вѣрить въ царя и нельзя ничего добиться, если сразу разбивать эту вѣру.

Въ четвергъ вечеромъ, въ Невскомъ районѣ, въ Смоленской школѣ происходитъ рабочая вечеринка съ либералами. Является на нее огромное количество народу, рабочихъ и интеллигентовъ. Въ то время, какъ въ главной залѣ шли либеральныя рѣчи, въ двухъ другихъ состоялись рабочія сходки, на которыхъ дѣятально обсуждались событія. Трудно забыть впечатлѣніе, произведенное этой вечеринкой. Можно было думать, что находишься въ брюссельскомъ Maison du Peuple; свободныя рѣчи самихъ рабочихъ, отсутствіе явной полиціи — все это давало картину того недалекаго будущаго, къ которому стремится народъ. Воодушевленіе, царившее на вечеринкѣ, было небывалое. Чувствовалась атмосфера борьбы и готовность продолжать ее неуклонно.

Такъ закончился 4-й день стачки. На слѣдующій день, въ пятницу 7, партія сознательныхъ рабочихъ, имѣя во главѣ одного изъ агитаторовъ-интеллигентовъ, съ ранняго утра отправилась по заводамъ, останавливала работу и къ 8—9 ч. утра весь Невскій районъ съ 45,000 рабочихъ стоялъ. Окончательно забастовали въ этотъ день Обуховскій, Ижорскіе, Пороховые и др. заводы. Громадными толпами стекались рабочіе къ „клубу“ и слушали весь день какъ въ залѣ, такъ и на дворѣ, ораторовъ-гапоновцевъ, говорившихъ лишь объ экономическихъ требованіяхъ, и соц.-дем., призывавшихъ и къ политической борьбѣ, приглашавшихъ требовать созыва Учредительнаго Собранія, разъяснявшихъ необходимость для рабочихъ сплотиться въ одну могучую партію. Въ то же время идутъ массовки по квартирамъ. Тутъ начинается чувствоваться недостатокъ въ ораторахъ, въ листовкахъ. Въ ат-

мосферѣ борьбы, подѣ влияніемъ пламенныхъ рѣчей ораторовъ сознательность массы растеть не по днямъ, а по часамъ. Рабочіе все чаще и чаще просятъ листовъ, а ихъ нѣтъ. Картина собранія въ этотъ день особенно грандіозна. Представьте себѣ длинную, узкую залу, вмѣщающую человѣкъ 600—700, всю биткомъ набитую мужчинами и женщинами. На одномъ концѣ сцена-эстрада. На ней предсѣдатель и ораторы. Жара невыносимая. Отъ духоты голова кружится. Но нужно говорить, говорить безъ конца. Все время подходятъ депутаціи отъ забастовавшихъ заводовъ со своими требованіями, которыя прочитываются вслухъ.

Между тѣмъ, Гапонъ, со вторника уже расширившій свою программу, разѣзжалъ по всѣмъ районамъ и всюду приглашалъ рабочихъ крѣпко стоять на своемъ, обѣщая имъ, что они добьются улучшенія своего положенія. Священнической санъ его, симпатичная наружность и простая рѣчь имѣли огромное влияніе на массу. „Ужъ если самъ попъ идетъ противъ чиновниковъ и капиталистовъ, то, значить, наше дѣло правое“, говорили рабочіе. Самъ же Гапонъ перетерпѣвалъ эволюцію влѣво. Онъ, очевидно, не ожидалъ, что будетъ имѣть такой успѣхъ; врядъ ли онъ думалъ найти такую солидарность среди рабочихъ. Когда же онъ увидѣлъ все это, онъ уже въ четвергъ, ко всѣмъ требованіямъ экономическаго характера, прибавляетъ требованія политическія: амнистія политическихъ, отдѣленіе церкви отъ государства, всеобщее обученіе, учредительное собраніе.

Уже съ четверга по городу ходили тревожные слухи; говорили, что рабочіе, непременно, устроятъ демонстрацію въ воскресенье. Какъ то естественно казалось, что, если идетъ общая забастовка, то неминуемо должна быть демонстрація. Тѣ же толки шли и въ районахъ. Въ какую

форму выльется демонстрація, никто не зналъ. Всѣ знали, что она должна быть. Когда Гапонъ встрѣтился съ этой увѣренностью, когда онъ увидѣлъ, что масса такъ приподнята и наэлектризована; что она въ городъ пойдетъ, въ немъ возникла идея челобитни. Пойти къ царю: либо онъ дастъ требуемое, либо будетъ возстаніе. И въ четвергъ вечеромъ онъ уже составляетъ свою петицію и съ пятницы начинаетъ читать ее по всѣмъ районамъ. Всюду онъ увѣряетъ рабочихъ, что одно имъ остается, это — идти прямо къ царю, просить помощи и защиты, чтобы узнать, есть ли царь; идти мирно, спокойно, но съ оружіемъ, чтобы защищаться отъ полиціи, если она нападетъ. Въ пятницу утромъ онъ присылаетъ въ Невскій районъ свое предложеніе. Собраніе состоялось поздней ночью. „У меня 100,000 рабочихъ, я иду съ ними ко дворцу подать петицію; если не исполнятъ, то сдѣлаемъ революцію, согласны ли?“ Соціалдемократія не присоединяется къ идеѣ петиціи, но идетъ вмѣстѣ съ массой, принимаетъ участіе въ движеніи. Гапонъ выражаетъ желаніе переговорить съ соціалдемократами и такъ какъ въ пятницу вечеромъ онъ долженъ пріѣхать въ Невскій районъ прочесть свою петицію, то тамъ устраивается на одной рабочей квартирѣ совѣщаніе.

Усѣвшись вокругъ стола, собесѣдники начали разговоры. Гапонъ — красивый мужчина, брюнетъ, съ задумчивымъ, симпатичнымъ лицомъ. Усталость видна на его лицѣ. Голосъ его охрипъ. На предложенные ему вопросы, онъ отвѣчаетъ слѣдующее: „Масса въ настоящее время до того наэлектризована, что ее можно повести куда угодно. Мы идемъ въ воскресенье ко дворцу и подаемъ петицію. Если насъ всѣхъ пропустятъ безпрепятственно, мы пройдемъ на площадь и вызовемъ царя изъ Царскаго

Села. Будемъ ждть его до вечера. Когда онъ прїдетъ, я пойду къ нему съ депутаціей изъ нѣсколькихъ рабочихъ, предъявлю ему петицію и скажу: Ваше Величество, такъ нельзя, пора дать народу свободу. — И если онъ согласится, то мы потребуемъ, чтобы онъ клятву далъ передъ народомъ. Тогда только мы уйдемъ и станемъ на работу. Но прежде всего, съ понедѣльника же будемъ работать 8 часовъ. Теперь, если насъ задержать на окраинахъ, мы будемъ просить, умолять, чтобы пропустили; если же не пропустятъ, мы силой прорвемся.

Задніе ряды будутъ напирать на передніе, и вся масса прорвется черезъ войска. Допустимъ, что мы прорвались; мы идемъ на площадь, тамъ будутъ войска, мы просимъ ихъ перейти на нашу сторону. Если насъ будутъ бить, мы отвѣчаемъ тѣмъ же; будутъ жертвы, но часть войскъ перейдетъ на нашу сторону, и мы тогда, будучи, кромѣ того, сильны количествомъ, устроимъ революцію. Устроимъ баррикады, разгромимъ оружейные магазины, разобьемъ тюрьму, займемъ телефонъ и телеграфъ, — словомъ, устроимъ революцію.“

Слѣдующій день весь прошелъ въ такой лихорадочной работѣ, какую трудно было бы ожидать отъ людей, утомленныхъ бессонными ночами и непрерывной работой. Весь день непрерывно шло одно собраніе за другимъ. Прочитывалась петиція, объяснялся каждый пунктъ ея, исчерпывался каждый вопросъ; затѣмъ, другой ораторъ произносилъ горячую рѣчь, приглашая всѣхъ на слѣдующій день притти въ 9 часовъ съ женами и дѣтьми, съ провіантомъ и теплой одеждой и оружіемъ на всякій случай! Говорили и гапоновцы, и социальдемократы. Энтузіазмъ толпы доходилъ до апогея. Ораторовъ социальдемократовъ прївѣтствовали, руки имъ жали, проходу на